

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 34
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцелярїи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Нищета Хрїстова.— На пути въ объятія Отчи. (Изъ дневника инока).— Сила Божія и немощь человѣческая Изъ записокъ игумена Теоодсія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса*.— На добрую память о добромъ старцѣ. *Димитрій Максимовичъ*. *Миссіонера Никъ*, *Слѣдниковъ*.— Другъ и врагъ. (О книгахъ и пьянствѣ). *Свящ. С. К.*— Вологодская лѣтопись. Вологодское Общество Хоругвеносцевъ.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО**.

НИЩЕТА ХРИСТОВА.

то сіе значить, что Христось Господь сказалъ: *лиси язвыны имуть, и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити?*

Отвѣтъ: 1) Христось Господь нашъ сими словами представляетъ намъ крайнюю Свою нищету, такъ что и дому собственнаго Своего не имѣлъ, гдѣ бы главу Свою подклонить. Лиси язвыны имуть, и птицы небесныя гнѣзда: а Онъ и дому Своего не имѣлъ.—2) Смотри, какъ насъ ради обнищаль, Егоже есть земля и исполненія ея, такъ что не имѣлъ гдѣ главы подклонити. О, чудо! у Котораго въ руцѣ вси концы земли, и небо престолъ, и земля подножіе, такъ обнищаль, что не имѣлъ гдѣ главы подклонити. Сію нищету представляетъ намъ апостоль Его: *вѣсте бо благодать Господа нашего Іисуса Христа, яко васъ ради обнища, богатъ сый, да вы нищетою Его обогатитесь.* Своею нищетою милостивый нашъ Іисусъ насъ нищихъ обогащаетъ.—3) Мы хотимъ въ мірѣ семъ богатитися, и въ богатыхъ домахъ и въ славѣ жить, не помышляя о томъ, что странники и пришельцы есмы здѣ, яко же и отцы наши, и все на сей земли чужое оставимъ; но Господь нашъ, хотя и все могъ имѣть, яко Господь всего, однакожъ всего отрелся; Онъ насъ ради обнищаль, а мы хотимъ богатитися и не хотимъ самовольной Его святой нищетѣ себе ради подражать. Сего ради тѣмъ самымъ показуемъ, что далеко отъ пути отстоимъ. Чему Его нищета научаетъ насъ, какъ все богатство и славу міра сего презирать? Чему Онъ и словомъ училъ: *не скрывайте себѣ сокровищъ на земли, идѣже червь и тля тлѣтъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ.* Что бо житіе наше, какъ путь и странствованіе? А отечество наше не здѣ, но въ ономъ вѣкѣ; тамо и наслѣдіе и богатство, и слава отъ Него уготована намъ. Оставимъ убо, возлюбленне, земли земная, и міру мірская, и послѣдуемъ Господу нашему, нищитѣ Его подражая, да обогатитъ насъ небесными и неотложными благами.

Изъ писемъ Святителя Тихона Задонскаго.

На пути въ объятія Отчи.

Изъ дневника инока

(Продолженіе).

20 Февраля. (Предъ исповѣдію). „Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче! Небесный Врачъ предстоитъ съ благодатью исцѣленія. Но что же я *пренебрегаю богатствомъ благодсти, кротости и долготерпѣнія Божія, ведущаго мя къ покаянію?* 1) Почто сердце мое до сихъ поръ остается жестокимъ и нераскаяннымъ? Господи! если кротость Твоя не трогаетъ жестокое сердце мое, то пригвозди его къ страху вѣчнаго и страшнаго суда Твоего. Душа моя! или ты не знаешь, что по безчувственному упорству своему ты *собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* 2)? Можетъ быть въ послѣдній разъ откроются для тебя двери покаянія. Такъ запасись же елеемъ умиленія и пободрствуй, встрѣчай достойно врача. Посмотри на Апостола Петра, горько плачущаго о своемъ отреченіи. Ты же не двукратно и не трикратно отвергалась Господа твоего, но всю жизнь твою и доселѣ безчувственна. Если и это тебя не трогаетъ, то пади во прахъ, жалкая душа, бей себя въ перси и зывай: *Господи! даждь ми слезы умиленія! Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми и всеильными Твоими мольбами отжсни отъ меня не—смирннаго (но безчувственнаго—гордаго) и оканнаго раба Твоего забвеніе, неразуміе и нерадѣніе!* Господи Иисусе! коснись благодатію Твоею каменнаго сердца моего и изведи изъ него слезы покаянія! Нѣтъ, оно и къ благодати безчувственно. Искушаю я Тебя, Господи, какъ жестоковѣрный народъ въ пустынѣ, требуя воды изъ скалы. Я желалъ-бы, Господи, слыщать обличеніе Наана и Іліи Освитянина, дабы покаялась душа моя и воззвала къ Тебѣ: *помилуй мя, Боже!* Душе Святой, *обличающій міръ о грѣсь* 3), прииди обличи и меня! Кто же дастъ слезы покаянія, кто за меня оплачетъ мое безчувствіе? Хочу вспоминать свои грѣхи, но какой то сонъ отягчаетъ око ума и сердца моего. Открываю слово Божіе, слово живое и дѣйственное, не пройдетъ ли оно чрезъ грубое сердце мое мечемъ обоюду острымъ. *Братіе, долготерпите и вы, укрьните сердца ваши, потому что пришествіе Господне приближается... вотъ Судія стоитъ у дверей...* *Злостраждетъ-ли кто изъ васъ, пусть молится* 4). Итакъ эти слова Апостола мнѣ вразумленіе. Я хотѣлъ самъ собою вызвать сокрушеніе. Нѣтъ, и это-то зависитъ не отъ насъ только, но гораздо болѣе дѣло благодати Бо-

1) Римл. II, 4. 2) Римл. II, 5. 3) Іоанн. XVI, 8. 4) Іак. V, 8, 9, 13.

жіей. Итакъ буду терпѣть, молиться, какъ *земледѣлецъ ждетъ драгоценнаго плода отъ земли, и для него терпитъ долго, пока получитъ дождь ранній и поздній* ¹⁾. Господи, вотъ нужда заставляетъ идти неприготовленнымъ во врачевницу, время настало, *приидите, истязимся* ²⁾. — Ты призываешь. Что же я реку? Я безотвѣтный, Господи, во всемъ. Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Милостивъ буди мнѣ грѣшному! Ты Самъ, Господи, знаешь, чѣмъ я боленъ. Весь, Господи, отъ главы до ногъ покрытъ струпьями грѣха. Господи, если я не сознаю теперь всей тяжести моихъ грѣховъ, то одно знаю, что я грѣшенъ. Прости меня, остави, ослаби согрѣшенія вольная и невольная, яже словомъ, яже дѣломъ, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи... (иду на исповѣдь).

(Послѣ исповѣди). Благодарю Тебя, Господи, яко очистилъ мя. Въ окаменѣніи сердца моего увидѣлъ свою немощь. Доселѣ я какъ будто считалъ себя всегда жаждающимъ спасенія, но оказывается, что и этого то я не имѣю въ себѣ. Мнѣ еще нужно содѣлаться *нищимъ духомъ*, т. е. сознать свою нужду въ духовной жизни, нужду во спасеніи, безъ каковаго сознанія своей неудовлетворенности не можетъ быть прочнаго начала спасенія, какъ это я и испыталъ на себѣ предъ самымъ временемъ, самымъ часомъ божественнаго посѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могъ и могу теперь быть *плачущимъ*, имѣть истинное состраданіе къ себѣ, имѣть печаль по Бозѣ, когда я не сознавалъ во всей силѣ своей духовной нищеты. Только при этомъ сознаніи я могу быть *кроткимъ*, т. е. не приписывать себѣ въ гордомъ самообольщеніи того, что не имѣю. Опять только сознавъ свою духовную нищету, я могу быть *алчущимъ и жаждущимъ правды*, своего оправданія, примиренія съ Богомъ.—Но благодареніе Господу Богу! Недолгое Его молчаніе послужило къ моему вразумленію. Мало по малу при приближеніи къ исповѣди я началъ *приходить въ себя* ³⁾, почувствовалъ на время нѣкоторый страхъ, заставившій немного одуматься. Затѣмъ по размышленіи о своихъ грѣхахъ душа почувствовала благоговѣйное влеченіе въ „*Отція объятія*“. *Благо есть исповѣдаться Господеву* ⁴⁾. Приходимъ къ Нему въ страхѣ и жалости къ себѣ, а отходимъ въ мирѣ и радости. Гдѣ же, милосердый Господи, преграда раздѣлявшая меня отъ Тебя? Сердце мое чувствуетъ на себѣ Твой взоръ любви и милосердія, — то самое сердце, которое предъ тѣмъ не хотѣло знать Тебя, а потомъ, когда приблизился часъ суда Твоего, сжималось отъ страха. Пусть отселѣ оно сжимается, когда въ него хочетъ проникнуть грѣхъ, и пусть расширяется для любви къ Тебѣ. Господи, могу сказать, что сердце мое чисто теперь, если же и чувствую нѣкую нечистоту, то это отъ мало-

1) Іак. V, 7. 2) Исая I, 18. 3) Лук. XV, 17. 4) Пс. XCI; 1.

вѣрія моего. Вѣрую, Господи, и чувствую отчасти, что Ты меня очистилъ, но помози моему невѣрію. *Созижди во мнѣ совершенно чистое сердце и духъ правъ обнови во утробѣ моей!*

(Продолженіе слѣдуетъ).

СНАЯ БОЖІА И НЕЖИТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXXI.

Во время моей службы въ Лебедяни я часто ходилъ къ службамъ въ Троицкій монастырь. Бывая въ монастырѣ, я полюбилъ его запущенный, тѣнистый садъ, гдѣ въ самой серединѣ его чащи стоялъ нежилой деревянный срубъ, покрытый тесомъ, съ поломъ, но безъ печей и безъ рамъ. Въ этотъ срубъ по осени выпали яблоки. До того мнѣ полюбилось это уединенное мѣсто, что, гуляя въ этомъ саду въ полномъ, конечно, одиночествѣ, я неоднократно молилъ Бога, чтобы Онъ благословилъ мнѣ поселиться въ этомъ срубѣ и въ немъ проводить отшельническую жизнь... Когда я рѣшился уйти вторично изъ міра въ монастырь, то, получивъ расчетъ отъ управляющаго своего, Ивана Андреевича Дивѣева, послѣ исторіи съ пролившимся спиртомъ, я пошелъ къ игумену монастыря и просилъ его, чтобы онъ принялъ меня въ свою общину жить въ этомъ срубѣ подъ именемъ сторожа. У меня для окончательнаго поступленія въ монастырь не было увольненія отъ общества, а безъ него я могъ жить въ монастырѣ только по паспорту, подъ видомъ вольнонаемнаго. Объ этомъ разрѣшеніи я молилъ игумена, со слезами великой жажды подвига, и получилъ его безъ особаго затрудненія.

— „Господь тебя да благословить“—такими словами игумена положено было начало моему вступленію во второй разъ въ вожделѣнную для меня монастырскую ограду.

На новое свое жительство я перебрался въ первыхъ числахъ апрѣля, когда на дворѣ еще стояли порядочные заморозки, и, Боже мой!—сколько я натерпѣлся тогда отъ холода въ своемъ срубѣ, отъ крысъ и мышей, бродившихъ въ немъ цѣлыми веренищами. Отъ холоду я долго не могъ ложиться спать, становился на молитву и усиленно клалъ земные поклоны. Едва согрѣвшись, пробовалъ заснуть, но крысы и мыши начинали бѣ-

гать по всему срубу, поднимали такую возню, что въ ея разгарѣ не стѣснялись прыгать мнѣ на голову и бѣгать, какъ ошалѣлыя, по всему тѣлу. Кромѣ добровольнаго и вынужденнаго указанными обстоятельствами подвижничества, я несъ еще послушаніе у свѣчнаго ящика и вскорѣ началъ чувствовать такое изнеможеніе и физическое, и нравственное, что врядъ ли бы его долго выдержалъ, а на измѣненіе своего положенія я могъ рассчитывать или съ окончательнымъ погашеніемъ въ монастырь по полученіи увольненія, или съ выходомъ изъ монастыря обратно въ міръ. Со слезами молилъ я Преподобнословенную, чтобы Она помогла мнѣ получить это, какъ кладъ, не дававшееся увольненіе, но получить его не могъ—все не было на то ни Божіей воли, ни родительской. О, какое тяжкое это было время!

Слава и благодареніе Господу, недопустившему мнѣ потерпѣть выше моихъ силъ!..... Черезъ нашъ монастырь шли въ Оптину пустынь монахини Тамбовскаго монастыря. Это были духовныя дочки старца Макарія, несшія въ Оптину для продажи мухояръ своего руководѣнья, а главнымъ образомъ, шедшія за духовнымъ совѣтомъ къ своему руководителю. Съ ними я послалъ старцу извѣщеніе, что я опять вышелъ изъ міра, и просилъ объяснить ему, гдѣ я поселился и что дѣлаю.... Настушили, между тѣмъ, теплые дни,—и мнѣ стало немного полегче.

А тутъ еще со мной произошелъ случай, очень меня и утѣшившій и ободрившій. Однажды, послѣ вечерняго пѣнія въ храмѣ (я пѣлъ на клиросѣ), я подошелъ къ иконѣ Всѣхъ Скорбящихъ Радости и сталъ усердно молиться Преподобнословенной объ увольненіи. Ко мнѣ вдругъ подошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ и сказалъ:

— „Ты просишь объ увольненіи. Не плачь—получишь!“

Когда я опомнился отъ радостной неожиданности этихъ словъ, молодого человѣка уже въ храмѣ не было. Таинственное это явленіе—человѣка, или ангела, не вѣдаю, — сильно окрылило мой духъ. Но радость надежды смѣнились для меня вскорѣ новымъ испытаніемъ.

Не успѣли уйти монахини, какъ пріѣхала ко мнѣ изъ Балашова сестра Екатерина вмѣстѣ съ двоюроднымъ моимъ братомъ. Цѣль ея пріѣзда была уговорить меня бросить монастырь и опять поступить на службу, такъ какъ имъ съ отцомъ и младшей сестрой вскорѣ нечѣмъ будетъ кормиться. Тяжело было мнѣ все это выслушивать: и жаль было семьи, но еще болѣе было жаль себя, своихъ высшихъ, но все недостижимыхъ стремленій. Душа моя рвалась на части. И, вотъ, въ этомъ состояніи духа мы съ сестрой отправились въ Сезеневскіи женскіи монастырь поклониться гробницѣ Іоанна Затворника, въ надеждѣ, что Господь смилостивится и укажетъ мнѣ мой путь.

Когда мы съ сестрой возвратились изъ Сезенева, въ это время пришли изъ Оптиной Тамбовскіе монахини и передали мнѣ, что батюшка Макаріи требуетъ меня немедленно къ себѣ въ Оптину для личнаго свиданія. Я уговорилъ сестру остаться въ Лебедяни, дожидаться моего возвращенія, а самъ на другой же день съ двоюроднымъ братомъ вышелъ пѣшкомъ въ Оптину. Старецъ принялъ меня ласково и благословилъ до времени остаться въ Оптиной, а въ Лебедянскій монастырь пока не возвращаться. Двоюродный мой братъ, такимъ образомъ, вернулся въ Лебедянь одинъ, и сестра, не достигши цѣли своей поѣздки, вернулась съ нимъ обратно въ Балашовъ съ тяжелымъ чувствомъ разочарованія и въ скорби на мое жестокосердіе. А какъ мнѣ было разстаться съ моей мечтой, какъ было послушаться воли старца?!.. А мои семейные, думалось мнѣ, проживуть какъ-нибудь и безъ моей помощи, если Господу угоденъ путь, мною избранный...

XXXII.

И поселился я жить въ Оптиной, которая мнѣ послѣ Лебедянскаго монастыря съ его уже поврежденной духовной жизнью, показалась, да и на самомъ дѣлѣ была раемъ духовной жизни для человѣка, ищущаго хрістіанскаго совершенствованія подъ руководствомъ опытнаго старца. А такимъ руководителемъ испытанной мудрости и всякихъ хрістіанскихъ добродѣтелей былъ старецъ Макаріи. Много за это время довелось мнѣ слышать богомудрыхъ его бесѣдъ объ иноческой жизни, терпѣніи, смиреніи, смиренномудріи, послушаніи, безмолвіи и любви, но важнѣе всего былъ его личный примѣръ и примѣръ тѣхъ, которые проводили жизнь совершенствованія во Христѣ Іисусѣ подъ неуслышнымъ духовнымъ надзоромъ его безпримѣрной любви и попечительности. Что это былъ за человѣкъ!.. И любили же его тѣ, которыхъ Господь удостоилъ быть его духовными дѣтьми!..

Въ описываемое мною время (шелъ 1853-й годъ) въ Оптиномъ скиту при старцѣ Макаріи состоялъ въ числѣ послушниковъ Ювеналій Половцовъ, впоследствии Архіепископъ Виленскій. Въ то время онъ еще былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Происходитъ онъ родомъ изъ извѣстной дворянской фамиліи, довольно богатой, и былъ онъ человѣкъ образованный, въ цвѣтѣ силъ обширныхъ своихъ дарованій... Не забуду никогда одного незначительнаго по внѣшности, но полнаго глубокаго по внутреннему смыслу значенія случая, происшедшаго на моихъ глазахъ въ кельѣ старца Макарія. Сидѣли мы какъ-то въ третьемъ часу дня втроемъ—я, о. Паріонъ и Ювеналій—и пили чай въ кельѣ у старца. Вдругъ отворилась дверь изъ покоевъ старца, и самъ батюшка изъ двери поклонился Ювеналію:

— „Ювеналій, поди ко мнѣ!“

Въ рукахъ Ювеналія было недопитое блюдечко—только разъ

хлебнуть... Ювеналій тѣмъ не менѣе и не подумаль допить остатокъ чаю, поставилъ немедленно по зову старца блюдечко на столъ и побѣжалъ къ батюшкѣ. Старецъ замѣтилъ, что чай Ювеналіевъ остался на блюдечкѣ, и улыбнулся...

— „Поди“, сказалъ онъ Ювеналію: „допей въ блюдечкѣ чай, а тогда и приходи!“

Онъ такъ и исполнилъ.

Сколько въ этомъ маломъ примѣрѣ смиренія и послушанія въ молодомъ человѣкѣ, рожденіемъ своимъ призванномъ руководить и повелѣвать, а не носить иго послушанія у смиреннаго старца—монаха!.. Таково было обаяніе личности и духа о. Макарія. Мудрено ли, что на смѣну ему въ этой временной жизни въ Оптиной уже созрѣвалъ не менѣе великій ему преемникъ—Амвросій!..

Какъ ни хорошо жилось мнѣ въ Оптиной, но меня вскорѣ потянуло съ великой силой повидаться съ другомъ моей юности, Ѳеодоромъ Андреевичемъ Какирбашевымъ, о которомъ я уже упоминалъ въ этой лѣтописи земного странствованія. Въ описываемое мною время онъ уже былъ іеродіакономъ Площанской, что въ Орловской губерніи Сѣвскаго уѣзда, пустыни. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я съ нимъ въ послѣдній разъ видѣлся, и мнѣ непреодолимо захотѣлось опять видѣть этого искренняго своего друга и сомолитвенника временъ дѣтскихъ и юношескихъ молитвенныхъ нашихъ подвиговъ. Открылъ я свое желаніе старцу и получилъ его благословеніе. Въ Площанскую пустынь я отправился излюбленнымъ своимъ способомъ, по образу, какъ говорится, пѣшаго хожденія.

Надо ли описывать радость нашей встрѣчи съ другомъ дѣтства моего?.. Отца Филарета я уже засталъ въ санѣ іеромонаха, восходящимъ отъ силы въ силу въ мѣру возраста Хрїстова. Совершенно была радость нашего свиданія; да, и могла ли она быть иной, когда основа нашей дружбы и встрѣчи была одна—любовь о Хрїстѣ Исусѣ и общее стремленіе къ жизни духа, къ совершенствованію благодатью Божіей въ этой любви божественной!.. Поселили меня, странника и пришельца, въ одномъ корридорѣ съ о. Филаретомъ, и кельи наши были рядомъ—изъ двери въ дверь. Сходились мы вмѣстѣ ежедневно за утреннимъ и за вечернимъ чаемъ и жили, въ полномъ смыслѣ слова, душа въ душу въ боголюбезномъ общеніи духа и любви хрїстіанской. Что это было за незабвенное время, что это была за радость, міру невѣстима!..

Увы! непродолжительна была моя блаженная жизнь въ Площанской пустыни: собиралась гроза военная Крымской компаніи—пошли слухи объ усиленномъ военномъ наборѣ, къ которому могъ быть привлеченъ и я, еслибы дѣло дошло до созыва ополченія. Съ другой стороны, родитель мой съ сестрами сталъ

уже доходить до послѣдней крайности и писалъ мнѣ письма, въ которыхъ, жалуясь горько на свое положеніе, взывалъ ко мнѣ, какъ къ сыну, о поддержкѣ. Младшій братъ мой еще не нашелъ тогда своей судьбы... И былъ я въ великомъ бореніи духа. А, между тѣмъ, Севастопольская несчастная война была уже въ полномъ разгарѣ... Дни моей духовной радости въ Пюшанской пустыни быстро летѣли, и мнѣ было незамѣтно, какъ промчался и канулъ въ вѣчность годъ и наступилъ второй моего пребыванія въ этой святой и великой по духу обители.

Отца съ сестрами мнѣ за это время удалось устроить въ Лебедяни, при помощи моего благодѣтеля и боголюбца, Ивана Андреевича Дивѣва, которому я писалъ о тяжеломъ положеніи моей семьи. Добрый Дивѣвъ тотчасъ вызвалъ моего отца изъ Балашова, пославъ ему съ сестрами денегъ на дорогу, и устроилъ его на 25 рублей въ мѣсяцъ жалованья подвальнымъ при пивномъ заводѣ. Жизнь въ провинціи тогда еще была дешевая и 25 рублей въ мѣсяцъ были достаточны для скромнаго прокормленія цѣлаго семейства. Съ этой стороны немного успокоена была душа моя. Но военная гроза, потрясая самыя основы государства, била и меня, заставляя трепетно ожидать моего вызова въ ополченіе. Опасенія мои были не напрасны, и вскорѣ былъ разосланъ по всѣмъ обителямъ строгій указъ, чтобы всѣ проживающіе въ нихъ по паспортамъ явились въ свои общества. Надо было немедленно собираться опять въ міръ... О, горе! о, томленіе духа!..

И, вотъ, въ горести своей, я, какъ бы въ тонкомъ снѣ, со-всѣмъ какъ наяву, имѣлъ видѣніе: въ моей кельѣ находятся будто бы Государь Николай Павловичъ въ мундирѣ и Наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ въ полномъ императорскомъ одѣяніи. Государь сидитъ такой грустный, а Наслѣдникъ стоитъ передъ нимъ... И вдругъ Государь, обращаясь къ своему царственному Сыну, сказалъ:

— „Подойди ко мнѣ!.. Война окончится замиреніемъ“...

На этомъ я проснулся и тутъ же рассказалъ свой сонъ о. Филарету.

— „Смотри, сказалъ онъ мнѣ: „умретъ нашъ Государь!“

И на другія сутки дошли до насъ извѣстія, что умеръ Государь Николай Павловичъ и воцарился Александръ II.

На добрую память о добромъ старцѣ.

Димитрій Максимовичъ.

(Окончаніе).

Замѣчательно, что такъ любившій посѣщать храмъ Божій во дни молодости, Димитрій Максимовичъ, принявъ на себя под-

вигъ юродства, до 50 годовъ бываль въ церкви очень рѣдко, а съ 50-ти никогда не входилъ въ храмъ. Онъ считаль себя хуже всѣхъ людей, недостойнымъ стоять во св. мѣстѣ, гдѣ приносится великая жертва Хрїстова. Во время совершенія богослуженія юродивый находился вблизи храма, большею частью около праваго или лѣваго клироса, причемъ никогда не мѣняль мѣста. Бывало—на улицѣ лютый морозъ, а онъ въ лапоткахъ, безъ шапки стоитъ цѣлыя часы около храма; замѣчали что снѣгъ около его ногъ растаиваль. Иногда Димитрій Максимовичъ пріютится въ притворѣ церковномъ, при входѣ въ храмъ, и проситъ входящихъ туда помолиться за него, а если кто изъ нихъ начнетъ спрашивать его, или говорить о чемъ постороннемъ, онъ предупреждалъ такового словами: „съ Богомъ, съ Богомъ иди, тамъ служба идетъ“.

Не входя съ 50 лѣтъ въ храмъ, юродивый имѣль обыкновеніе причащаться св. Тайнъ въ домахъ. Готовясь къ принятію Св. Даровъ, онъ снималь съ себя ветхія рубища и, становясь на навозъ на скотскомъ дворѣ, просилъ поливать на него холодной водой болѣе ста ковшей, потомъ тутъ же надѣваль на себя чистое бѣлье, а старое бросаль въ воду. Въ баню Димитрій Максимовичъ никогда не ходилъ.

Лѣтомъ 1819 года юродивый, находясь въ дер. Кобылинской, почувствовалъ себя больнымъ. Стояла горячая рабочая пора. Кобылинскіе крестьяне, занятые работами, не имѣли возможности ухаживать за больнымъ и отвезли его въ сосѣднюю деревню Большой Дворъ, къ зажиточному крестьянину Леонтію Шипицину. Вѣсть о болѣзни юродиваго скоро разнеслась среди его почитателей, которые всячески готовы были выразить ему свое сочувствіе. Одинъ изъ почитателей, крестьянинъ дер. Вечеслова Гавріиль Вирячевъ, послаль больному въ даръ съ сыномъ своимъ Иваномъ двухъ сивовъ. Димитрій Максимовичъ надумаль переселиться къ любившему его и всегда внимательно относившемуся къ нему Вирячеву, который приняль юродиваго съ истинно хрїстіанскимъ радушіемъ и ухаживаль за нимъ до самой кончины. Однажды лежа на одрѣ больной говорилъ пріютившимъ его хозяевамъ: „вотъ люди заговорять, да изъ подъ руки будутъ смотрѣть: кто идетъ, кто идетъ? Вирячевъ, Вирячевъ“. Эти слова, сказанныя юродивымъ, поняты были впоследствии. Родной племянникъ Гавріила Вирячева, во время постройки въ Петербургѣ Исаакіевскаго собора, отправился туда на заработки и честнымъ исполненіемъ подрядовъ, а также воздержностью, скопилъ себѣ состояніе, достаточное для покупки двухъ каменныхъ домовъ. Разбогатѣвъ онъ не разъ наѣзжалъ въ родное ему Ярокурье. Тогда дѣйствительно жители деревни съ любовитствомъ и уваженіемъ смотрѣли на Ивана Вирячева и говорили: „смотрите, смотрите, Вирячевъ идетъ, Вирячевъ идетъ!“

Послѣ кратковременной болѣзни, на 13-е Юля 1819 года на 67 году жизни рабъ Божій Димитрій мирно отошелъ ко Господу. Погребеніе его совершено было весьма торжественно въ Ярокурскомъ храмѣ строителемъ Прилуцкаго Никольскаго монастыря о. Израилемъ, въ сослуженіи мѣстнаго священника Ѳеодора Петровскаго, крестника покойнаго, и сосѣднихъ священниковъ—Приводинскаго Іоанна Попова, Вотложемскаго Іоанна Попова и Городецкаго Матѳея Низовцева. День погребенія юродиваго выдался дождливый, но при выносѣ тѣла изъ храма, по сказанію очевидцевъ, возсіяло солнце и день прояснился. Толпы народа, собравшагося отовсюду, со слезами провожали учителя истинно-хрiстiанской жизни до мѣста послѣдняго упокоенія. Тотъ день былъ необычный въ жизни с. Ярокурья и надолго сохранился въ памяти обитателей его и сосѣднихъ весей.

Отъ дѣтства возлюбившій Христа и отвергшійся блага міра, среди лишеній и невгодъ, среди оскорбленій и обидъ, Димитрій Максимовичъ созрѣвалъ духовно и за свой тяжелый подвигъ, подъятый ради Бога, сподобился получить отъ Него духовныя дарованія. Димитрій—былъ прозорливый. Многимъ людямъ онъ предугадалъ ихъ будущую судьбу, заранѣе повѣдалъ имъ о печальныхъ или радостныхъ случаяхъ въ ихъ жизни.

Приведемъ нѣсколько случаевъ прозорливости юродиваго.

Димитрій Максимовичъ шелъ по селу Приводину, которое, какъ свою родину, онъ не рѣдко посѣщалъ. Попадаетъ ему на встрѣчу пономарскій сынъ Николай Нацвѣтовъ. Поздоровались. Юродивый, обращаясь къ Нацвѣтову, какъ бы въ шутку сказалъ ему: „Богъ привелъ пестри въ лобъ“. Весной Николай Нацвѣтовъ отправился на заработки въ Архангельскъ; тамъ онъ проворовался, его осудили, заклеили и отправили въ ссылку.

Однажды Димитрій Максимовичъ зашелъ въ дер. Слуду къ мельнику Ивану Петрову Монакову. Домъ его стоялъ на высокой горѣ. Юродивый во дворѣ дома повѣсилъ мѣшокъ съ содержащимся въ немъ навозомъ. Хозяинъ, увидѣвъ мѣшокъ, схватилъ и швырнулъ его подъ гору. Узналъ объ этомъ, Димитрій Максимовичъ, какъ будто обидѣлся за поступокъ Ивана, принялъ строгій видъ и съ упрекомъ сказалъ: „вотъ за это къ тебѣ скоро бѣда на дворъ придетъ, молчи, скоро навалитъ“. Дѣйствительно, на мельницѣ скоро случилось несчастіе. Вслѣдствіе неосторожности, одинъ крестьянинъ лишился жизни. Пріѣхалъ на мельницу судебный слѣдователь, пошла волокита. На долю хозяина выпало не мало хлопотъ, заботъ и денежныхъ убытковъ.

Димитрій Максимовичъ имѣлъ обыкновение ходить изъ деревни въ деревню приходовъ, находящихся не вдалекѣ отъ с. Ярокурья. Однажды онъ сидѣлъ въ деревнѣ Васильевскаго прихода въ избѣ знакомаго крестьянина и все внимательно посматривалъ въ

окно. Былъ вечеръ. Хозяева, замѣтивъ, что юродивый такъ часто во что-то всматривается, не утерпѣли и спросили его: „на кого ты, Митюшка, смотришь?“

— Я смотрю, скоро-ли взойдетъ солнышко, отвѣчалъ Дмитрій.

— Да вѣдь солнышко недавно закатилось, возразилъ хозяинъ; взойдетъ-то взойдетъ, да завтра по утру.

Не успѣлъ онъ договорить своихъ словъ, какъ вдругъ Дмитрій вскрикнулъ: „а вотъ и вошло“.

Хозяева подбѣжали къ окну и увидѣли, что вспыхнулъ овинъ съ хлѣбомъ.

— Ну, Митріюшко, правду ты сказалъ, вошло твое солнышко, промолвили хозяева, бросившись бѣжать на пожаръ.

Ярокурскій священникъ о. Θεодоръ Петровскій рассказывалъ нѣсколько знаменательныхъ случаевъ изъ своей жизни, о прозорливости Дмитрія Максимовича.

— Когда я былъ дьячкомъ при Ярокурской Преображенской церкви, по совѣту родныхъ—родители мои уже умерли,—я надумалъ жениться. За благословеніемъ на этотъ путь жизни я пришелъ къ своему крестному отцу Дмитрію Максимовичу. Онъ спросилъ меня:—гдѣ же ты нашелъ себѣ невѣстушку-то?

— Въ дер. Куимихѣ, у крестьянина Гавріила Голышева дочь-дѣвицу Меланію, отвѣчалъ я.

— Э, крестникъ, далеко! Ты бы взялъ лучше невѣсту поближе, въ деревнѣ Кобылинской у Григорія Паутова есть дочь Параскева, вотъ законникъ-то, тебя бы пережилъ. Я не послушался совѣта крестнаго отца. Слова его скоро исполнились. Женившись на Меланіи, черезъ 4 года супружеской жизни я лишился сына, дочери и жены.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней я шелъ въ церковь для служенія Божественной литургіи. У входа въ храмъ стоялъ мой крестный отецъ.

— Крестникъ, помяни моихъ родителей, поздоровавшись погрозилъ онъ.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ я.

Имѣя обыкновеніе всегда поминать родныхъ Дмитрія Максимовича, на этотъ разъ я забылъ исполнить свой долгъ. Просто затмѣніе нашло. Кончилась обѣдня. Я послѣдній выходилъ изъ храма. Смотрю—крестный отецъ дожидаетъ меня въ притворѣ и съ упрекомъ говорить: „такъ-то крестникъ и помянулъ моихъ родителей. У тебя не то на умѣ“.

Я смутился и просилъ прощенія за свою забывчивость, при чемъ обѣщался впередъ всегда поминать его родителей.

— Ну, дай Богъ, чтобы было такъ, проговорилъ Дмитрій.

Меня позвали напутствовать Дмитрія Максимовича. Предъ

отхождомъ изъ дома для совершенія таинства я, грѣшный, выпилъ рюмку водки. Являюсь въ домъ Виричевыхъ, гдѣ находился больной, мой крестный отецъ, подхожу къ нему, а онъ и говоритъ: „крестникъ, ты прибылъ напутствовать меня, а я сегодня не готовъ; приходи завтра по утру“.

Такъ деликатно замѣтилъ юродивый о моемъ недостойствѣ. Я понялъ, что не готовъ-то не онъ, а я, грѣшный. Слова Димитрія Максимовича произвели на меня сильное впечатлѣніе.

— Я бываю имянинникъ, 24-го августа, такъ рассказывалъ крестьянинъ дер. Адовской Петръ Михайловъ Горбовскій. Въ одинъ годъ этотъ день случился въ воскресенье, и я отправился къ обѣднѣ къ приходской своей Синегодской Успенской церкви. Тамъ встрѣтился съ Димитріемъ и пригласилъ его къ себѣ—имяниннику пообѣдать. Онъ согласился и отправился со мной. Каково же было мое удивленіе, когда рабъ Божій, подойдя чуть не къ самому моему дому, вдругъ направился обратно. Я схватилъ его за рукавъ, всячески упрасивалъ зайти въ домъ пообѣдать, но напрасно. Что за причина? думалъ я, огорченный отказомъ юродиваго. Печальный вхожу въ домъ, меня встрѣчаетъ мать, видѣвшая, какъ я звалъ къ себѣ нищаго—юродиваго, и съ упрекомъ говоритъ мнѣ: „а ты бы всѣхъ нищихъ забрала и привела сюда“.

— А, подумалъ я, вотъ почему не пошелъ ко мнѣ Димитрій Максимовичъ.

Въ жизни Вотложенскаго священника Іоанна Попова ¹⁾ былъ такой случай. Онъ служилъ тогда псаломщикомъ на Шомаксѣ, куда иногда приходилъ Димитрій Максимовичъ. Разъ попадаетъ псаломщику юродивый и, сложивъ руки для принятія благословенія, говоритъ ему: „благослови, отецъ Иванъ“. Уважая Димитрія Максимовича, Іоаннъ Поповъ, нерасчитывавшій на священство, увидѣлъ въ его словахъ доброе предзнаменованіе: онъ попросился во священники и черезъ два мѣсяца предстоялъ уже предъ престоломъ Господнимъ.

Окрестное населеніе и многіе изъ жителей отдаленныхъ мѣстностей чтутъ память раба божія Димитрія, котораго называютъ они блаженнымъ. На могилкѣ юродиваго весьма часто поются панихиды людьми, глубоко убѣжденными, что молитва блаж. Димитрія доходна до Бога, что чрезъ свой тяжелый цѣложизненный подвигъ онъ имѣетъ теперь дерзновеніе ко Господу. На вопросъ, обращаемый къ просящимъ отслужить панихиду по юродивомъ, что ихъ побуждаетъ къ этому, получается обычный отвѣтъ: я былъ очень боленъ, или—меня постигло ужасное несчастіе, далъ обѣщаніе отслужить панихиду по блаж. Димитрію,

¹⁾ Моего прадѣдушки.

и бѣда быстро миновала. Иные приходили и приходятъ къ могилѣ Димитрія Максимовича побуждаемые къ тому сновидѣніями, изъ коихъ особенно знаменательно одно, бывшее при жизни Ярокурскаго священника о. Андрея Попова. Одна женщина Костромской губерніи отправилась на богомолье въ Соловецкій монастырь. Никогда не выдавшая и ничего не слышавшая о Димитрії Ярокурскомъ, въ г. Устюгѣ она во снѣ слышала голосъ: „по пути къ Соловецкому монастырю, недалеко отъ Устюга есть село Ярокурье, гдѣ покойся Димитрій Ярокурскій, ты зайди въ это село и отпой по Димитрії панихиду“. Женщина исполнила повелѣнное ей, отслужила панихиду надъ могилою блаж. Димитрія, въ оба пути,—и въ монастырь и обратно на родину, приходила также и нарочито въ Ярокурье къ дорогой для нея могилѣ.

Могила Димитрія Максимовича находится на восточной сторонѣ Ярокурской Преображенской церкви, противъ алтаря; на ней положена мраморная плита: надъ могилою выстроена часовенка, въ ней виситъ портретъ юродиваго: онъ—средняго роста, сутуловатый, въ сѣромъ деревенскомъ зипунѣ, въ липовыхъ лаптяхъ, шапка на немъ суконная съ бѣлымъ истертымъ отъ времени мѣхомъ; глаза сѣрые, пронзительные, сѣдые волосы вскомочены, длинные пряди ихъ торчатъ изъ-подъ шапки, грудь обнажена.

Миръ, всѣ земныя привязанности отринувъ ты, ради Христа, въ Которомъ жилъ до смерти. Блаженъ ты былъ здѣсь, блаженъ и тамъ, гдѣ всякій получаетъ по правдѣ воздаяніе за дѣла свои.

Миссіонеръ *Нин. Сльдниковъ.*

ДРУГЪ И ВРАГЪ.

(О книгахъ и пьянствѣ).

Есть у людей большой другъ и пріятель,—это—добрая, душе-
спасительная книжка. Лѣтомъ рабочій человекъ, хоть-бы и желалъ,—не можетъ читать: не имѣетъ времени; работа не стоитъ,—своего требуетъ. А вотъ—придетъ зима, настанутъ холода, морозъ затрещитъ за стѣною,—тогда и хотѣлось-бы что нибудь почитать, на свѣтъ Божій черезъ книжку—оконце выглянуть...

И много есть людей, которые читаютъ въ длинные зимніе вечера, или слушаютъ, какъ другой читаетъ... Хорошо въ иной избушкѣ, гдѣ есть грамотный и гдѣ добрую, душеспасительную книжку берегутъ, любятъ... За чтеніемъ такой книжки да за умною, тихою бесѣдою не слышать тамъ ссоръ, пьянаго гомону... Люди обороняются отъ злого добрымъ, какъ стѣнкою,—украша-

ють душу Божьей правдою, всѣмъ святымъ и прекраснымъ... Лѣтомъ сѣють хлѣбъ, обрабатываютъ землю, а зимою застѣваютъ душу Божьимъ словомъ, обрабатываютъ для Божьихъ сѣмянъ свое доброе, чуткое къ Божьему сердцу... И радостно тамъ, пріятно! Любо зайти и посидѣть и послушать... Всякій чувствуетъ, что тамъ Богъ живетъ, Божья сила сіяетъ, чистыя сердца людскія (Богомъ) для Бога богатѣютъ...

Сегодня читаютъ Слово Божіе, завтра какое нибудь житіе, тамъ—про хозяйство или вообще про полезное для людей... И такъ, день ото дня, годъ отъ года, растетъ въ сердцахъ правда Божія и доброе знаніе,—и жизнь улучшается,—становится чище, ярче, свѣтлѣе, отраднѣе...

Есть у людей и тяжкій ворогъ—пьянство. Начинается оно, какъ и все на свѣтѣ, съ пустяка,—съ одной чарочки,—а доводитъ въ концѣ концовъ до нищеты, до разврата, до душегубства.

Водка губитъ душу и совѣсть; въ водкѣ, какъ въ огнѣ, горятъ народный умъ, и достатокъ, и здоровье, и добрые нравы и вѣчное спасеніе...

„Пьянство,—говорятъ люди,—до добра не доводитъ“. Развѣ—не правда?..

Подумайте, хрістіане, сколько зла причинило людямъ пьянство, посчитайте всѣ тѣ деньги, которыя каждое село пропьетъ за 10—20 лѣтъ! Сколько-бы за эти деньги можно было-бы прикупить земли, какія избы построить, какой скотиной обзавестись!... Сердце кровью обливается, какъ подумаешь, сколько силъ, сколько добра укралъ у народа его тяжкій врагъ—водка! И не столько добра, сколько ума-разума, сколько добрыхъ силъ ни на что пошло, въ водкѣ сгорѣло!..

Бойтесь-жъ, люди добрые, этого тяжкаго ворога,—обороняйтесь отъ него святою молитвой, доброю божественною книжкою!

Свящ. С. К.

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Вологодское Общество Хоругвеносцевъ.

1 Января 1907 г. Общество Хоругвеносцевъ вступило въ 5-й годъ своего существованія. Къ этому дню въ своемъ составѣ оно имѣло 140 членовъ, изъ нихъ 2 почетныхъ, 4 пожизненныхъ и 134 члена—благотворителя. Въ теченіи этого времени дѣятельность его выражалась только въ томъ, что члены въ присвоенныхъ имъ кафтанахъ съ соблюденіемъ строгаго порядка участвовали въ крестныхъ ходахъ. Въ настоящемъ году Правле-

ніе рѣшило положить начало развитію и другихъ цѣлей Общества,—какъ-то: начать посильныя сбереженія капитала на благоуукрашеніе св. храмовъ г. Вологды, на устройство богадѣльни для призрѣнія престарѣлыхъ членовъ Хоругвеносцевъ, лечебницы для подаенія медицинской помощи и для выдачи лекарствъ членамъ Общества и ихъ семействамъ. Съ помощію Божіею и благодаря дружной работѣ членовъ Общества это святое дѣло начинается замѣтно крѣпнуть и развиваться, списокъ членовъ пополняется новыми лицами, а вслѣдствіе этого и капиталъ значительно увеличивается. Такъ къ 1 Январ. 1907 г. на лицо было 95 р. 87 к., къ 1-му Мая въ кассѣ Общества уже свыше 550 рублей и помимо сего 177 руб. 50 к. собрано на Хоругвь, сооружаемую на добротныя пожертвованія. Рисунокъ Хоругви одобренъ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Никономъ, и самая хоругвь въ непродолжительномъ времени будетъ выполнена членомъ Вологодскаго Общества Хоругвеносцевъ Московскимъ куцомъ Захрянинымъ. Хоругвь Общества будетъ носима членами онаго во всѣхъ крестныхъ ходахъ, существующихъ въ г. Вологдѣ, а постоянно находится согласно примѣчанія § 3 уст. О-ва въ Спасовсеградскомъ соборѣ. За это же время Правленіе исходатайствовало согласіе о.о. Настоятелей Вологодскихъ Каѳедрального и Спасовсеградскаго соборовъ на внесеніе въ синодикъ именъ умершихъ и умирающихъ членовъ Общества для вѣчнаго поминовенія ихъ на проскомидіи ежедневно.

Доводя о семъ до свѣдѣнія всѣхъ сочувствующихъ цѣлямъ Общества Хоругвеносцевъ, Правленіе покорнѣйше проситъ направлять свои посильныя лепты на вышеозначенное св. дѣло христіанской помощи на имя Предсѣдателя Н. П. Кубрякова (г. Вологда, Московская улица).

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получать книгу:

Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго отца нашего СЕРГІЯ,

Игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. Пятое дополненное и исправленное изданіе составлено соборнымъ іеромонахомъ (нынѣ епископомъ) Никономъ съ художественными картинами изъ жизни угодника Божія и многими рисунками въ текстѣ (всего 147 рисунковъ), и одной художественной хромолитографіей въ 20 красокъ въ размѣрѣ книги: *Предсмертное причащеніе Препод. Сергія*, (копія съ картины покойнаго Іеромонаха Симеона). Эта книга удостоена отъ Святѣйшаго Синода преміи Митрополита Макарія въ 1000 рублей.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ красивомъ корешкѣ, папкѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.,—въ колденкѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію Троицкихъ Листковъ.

Цензоръ Протоіерей *Н. Якубовъ.*

Редакторъ Свящ. *Н. Коноплевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.